ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

ЖЕНЩИНА — ПРЕСТУПНИЦА ИЛИ ПРОСТИТУТКА

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Чезаре Ломброзо

Женщина — преступница или проститутка

С иллюстрациями

Чезаре Ломброзо знал, о чем писал. В течении многих лет он имел возможность наблюдать разнообразнейшие типы преступников и анализировть их физиологические и психологические особенности. Потому как служил тюремным варчом-психиатром.

Книга «Женщина — преступница или проститутка» — одна из самых знаменитых его работ. В ней Ломброзо рассматривает отношение женщин к любви, проституции и преступности и приходит к неожиданным выводам о движущих инстинктах женщин.

Став профессором судебной медицины и общественной гигиены в Туринском университете, Ломброзо написал еще один известнейший труд — «Человек преступный».

Чезаре Ломброзо известен как родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала критикуемая современной наукой идея о прирождённом преступнике.

Содержание

Любовь
- I. Любовь у животных
- II. Любовь у человека

История проституции
- I. Стыд и проституция у диких народов
- II. Проституция у исторических народов

Врожденные проститутки
Случайные проститутки
Преступность женщины
- I. Преступность самок в царстве животных [18]
- II. Женская преступность у диких и примитивных народов [19]

Врожденные преступницы
Случайные преступницы
Преступницы по страсти
Самоубийцы

Любовь

I. Любовь у животных

У животных, стоящих на низших ступенях развития, у которых самка физически сильнее своего самца, любви, собственно, не существует. Самка прогоняет самца немедленно после своего оплодотворения, и здесь мы видим половой инстинкт всецело подчиненным материнству. Самки-пауки пожирают часто после совокупления своих самцов, если последние не успевают тотчас же убежать от них. Бесполые особи у муравьев и пчел исполняют роль матерей, не зная совершенно половых отправлений, а пчелы-самки ежегодно истребляют своих трутней.

Чувство любви начинает примешиваться у самки к материнскому только тогда, когда самец, будучи физически сильней ее, подчиняет ее своему господству и начинает требовать от нее удовлетворения своей более пылкой чувственности. Если не считать насекомых (Ublencus cicatricosus), то о любви можно в собственном смысле говорить только у птиц, так как они являются в зоологической лестнице первыми, у которых наблюдается более или менее продолжительная жизнь парами. Но и здесь самец является более активным членом таких пар.

«В противоположность другим животным, — говорит Brehm, — большинство самцов-птиц проводит всю свою жизнь с одной самкой; полигамия и многократное парование, как это наблюдается у млекопитающих, у них встречается редко. Два супруга, вступив раз в союз, поддерживают таковой в течение всей своей жизни, — и это исключительный случай, чтобы один из них нарушил его. Но так как у птиц число самцов превышает число самок, то и здесь имеются свои «холостяки» и «вдовцы», которые стараются овладеть чужими самками. Поэтому в период парования между

самцами происходят часто отчаянные схватки, в которых одни из них защищают неприкосновенность своего супружеского ложа от других, пытающихся его осквернить.

Ревность, и порою самая сильная, также не редкость среди птиц. Часто можно видеть, что самки вместе со своим самцом сообща прогоняют слишком дерзко добивающегося взаимности любовника, но нередко бывает и так, что самка благосклонно относится к последнему, предпочитая его своему, так сказать, законному супругу. Наблюдали самок, которые, спустя полчаса после того как их самец был убит, отдавались другим.

Самцы, очевидно, более страдают, теряя своих самок, что, быть может, зависит от того, что «им труднее найти новых» (Brehm. Жизнь животных, т. III, с. 25).

В общем самец во время парования всегда кажется более страстным и влюбленным в свою самку, последняя же держится довольно пассивно, занятая виением гнезда.

Певучий попугай-самец занят, кажется, исключительно своей самкой, когда она сидит на яйцах, и совершенно игнорирует всех других самок. Когда он не отправляется за кормом, то садится на край гнезда и поет своей подруге свои лучшие песни (Brehm. Op. cit., с. 102).

Самец-клест всячески ухаживает за своей клестовкой, когда она занята высиживанием яиц, точно он хочет этим вознаградить ее за тот труд, которого не может с ней разделить (Brehm. Op. cit., с. 115).

У коноплянок и зябликов ревность наблюдается только у самцов и никогда у самок (Brehm. Op. cit., с. 103).

Среди хищных птиц благородный сокол-самец и кобчик кормят свою самку, когда она сидит на яйцах, и

развлекают ее разнообразными воздушными эволюциями, за которыми она следит взором. Совы-самцы, по-видимому, очень влюблены и привязаны к своим самкам, которые являются страстными матерями (Brehm. Op. cit., c. 38).

Самец-козодой всегда очень нежен со своей самкой (Brehm. Op. cit., c. 216).

Самец королевской птицы, в то время когда самка сидит на яйцах, всегда вертится около нее, перепархивает с одного места на другое, поет или машет крыльями (Brehm. Op. cit., c. 751, 824, 840).

Об ибисе Brehm говорит следующее: «Супруги, особенно самец, отличаются большою верностью друг другу. Последний никогда не оставляет самку без того, чтобы ее не приласкать перед своим отправлением и не спеть ей несколько песен своих. Он очень ревнив» (Brehm. Op. cit., т. IV, c.15).

Но в общем, повторяем, любовный инстинкт у самца развит сильнее, чем у самки, которая более, нежели он, располагает выбором (Darwin. Origin. of man, c. 386).

Самка-дятел во время парования перелетает с места на место, окруженная целой стаей поклонников, которые наперебой забавляют ее самыми разнообразными играми в воздухе для того, чтобы понравиться ей. Немало проходит времени, пока она изберет себе из этой стаи одного. Одна дикая утка была приручена и вскормлена дома. В продолжение двух лет подряд она жила с одним и тем же самцом, но немедленно прогнала его от себя, как только в птичник был впущен другой самец (Darwin).

Boitard и Carbie сообщают из жизни голубей следующее: «Когда какой-нибудь голубь антипатичен голубке, то что бы ни делали с ней для того, чтобы расположить ее к нему, ничто не помогает. Ей дают возбуждающий половой инстинкт корм, оставляют ее в одной клетке с этим самцом в продолжение шести

месяцев, даже года, но она упорно продолжает отказывать ему в своих ласках. Ни его жесты, ни его заигрывания, ни, наконец, его нежное воркованье не могут ее тронуть и смягчить. Она мрачно и неподвижно сидит все время в одном из углов своей темницы, изредка только оставляя его для еды и питья, а также для того, чтобы с особенной яростью защищаться против любовных поползновений самца» (Darwin. Op. cit., c. 384).

Трудно сказать, что, собственно, руководит самкой при выборе ею самца: в некоторых случаях она, очевидно, предпочитает более сильного, хоть и старого самца, более молодому, как это наблюдается, например, у глухарей.

Точно так же мы находим и у птиц, несмотря на явное господство у них самца над самкой, тот же антагонизм между половым и материнским инстинктами, который у низших представителей животного царства всецело сводится к преобладанию последнего.

Brehm рассказывает, что один самец из породы Amadina был очень требователен по отношению к своей самке, которую он заставлял уже начать вить новое гнездо, в то время как нововыведенные птенцы не имели еще и десяти дней от роду; самка же упорно топырилась и, видимо, не соглашалась (Brehm. Op. cit., c. 226).

Часто приходится наблюдать, что кенарь (самец) разбивает носиком собственные яйца, так как канарейка, всецело поглощенная высиживанием их, совершенно не отвечает на его любовные ласки.

Причина этого заключается в том, что у самцов половое влечение более интенсивно и они сильнее привязаны к своим самкам, нежели последние к ним. У самок же оно сказывается не так резко, так как у них слабее выражен половой инстинкт и материнство,

кроме того, является могучим отвлечением для их эротических побуждений.

Полигамия у птиц. У некоторых более или менее редких пород птиц, как, например, у павлина, фазана, глухаря и у многих куриных пород (Darwin. Op. cit., с.195), существует полигамия, но в таком случае роль обоих полов в выборе уже меняется. Так, павлины-самки, равно как и дикие индюшки, особенно очень старые, делают всегда сами первые шаги к выбору себе самцов. Самцы-глухари стоят совершенно спокойно и стараются обратить на себя внимание прыгающих вокруг них самок тем, что оттопыривают свои перья.

Двух самок из породы Lophophorus, которых Bartlett считает полигамами, нельзя поместить в одну клетку с самцом, ибо они начинают тотчас же драться из-за него (Darwin). Исключением являются снегири, у которых существует моногамия, но и у них самка выбирает самца, а не наоборот.

По мере того как самец окружает себя все большим и большим числом самок и как он в состоянии все шире и шире удовлетворять свой половой инстинкт, самки начинают все более и более терять для него свою цену. Между ними начинается тогда беспрерывная борьба из-за обладания им, причем каждая из них старается понравиться ему более остальных.

Млекопитающие. Половая жизнь млекопитающих далеко не так разнообразна, как птиц. Союзы их, большей частью полигамического характера, редко продолжаются долго. Обыкновенно они длятся до тех пор, пока у самки существует еще течка или пока на свет явится молодое потомство. Трудно сказать, в ком — в самце или самке — более интенсивно эротическое чувство.

Особенно сильно развита половая любовь у тех пород, которые живут более или менее долгое время вместе. Brehm рассказывает про африканских дикобразов, что они очень нежные супруги и днем сидят в своей норе неподвижно, тесно прижавшись один к другому, ночью же выходят из нее, ласкают и лижут друг друга, даже между иглами, которые каждый из них поочередно поднимает так, чтобы другой мог просунуть между ними свой язык. Когда же один из них отказывается от подобных ласк, то другой приходит в ярость. Однажды из-за этого один самец был насмерть укушен в голову своей самкой (Darwin, с. 242).

Морские свинки — самец и самка, — по-видимому, так же очень любят друг друга. Они постоянно лижут и ласкают одна другую лапами. Если одна из них спит, то другая сторожит ее и будит ее языком и лапками, если сон длится чересчур долго (Brehm, II, с. 252).

Кролики живут парами в течение долгого времени, не оставляют обыкновенно ни на одну минуту один другого, и самцы очень заботливо ухаживают за своими самками. В свою очередь и последние также очень нежны с ними, будучи даже поглощены заботами о детенышах, они время от времени оставляют последних на короткое время, чтобы обменяться ласками со своими самцами (Brehm, II).

И у млекопитающих бывают примеры, когда выбор делается самкой. Так, свинья часто отгоняет от себя упорно одного кабана и отдается немедленно же другому. Суки часто грызут всех бегающих за ними кобелей и случаются только с одним из них. В своем выборе они, по-видимому, руководствуются величиной, цветом шерсти, индивидуальным характером самцов и особенно — что еще важнее — степенью дружбы, в которой они до этого с ним находились. Самка северного оленя отдает всегда предпочтение самому сильному самцу (Darwin).

Bleakiron утверждает, что он никогда не видел кобылу, которая не отдалась бы любому жеребцу; между тем такие случаи имели место в главной конюшне Wright'a. Hunter описывает ту хитрость, какую пришлось употребить, чтобы случить самку зебры с ослом; для этого последнего выкрасили в белые поперечные полосы на манер того, как выглядит зебра. Зебра-самец не так разборчив, и с ним нет надобности принимать таких предосторожностей. Для зебры-самки высшая красота ее самца заключается, очевидно, в полосатости его (Richet. De l'amur).

Однако у млекопитающих выбор иногда принадлежит и самцу. Так, заводские жеребцы часто не хотят случаться с одной какой-нибудь кобылой, без всякой, по-видимому, причины, и охотно это делают с другой (Darwin. О происхождении человека, с.487).

Но это есть, как и у птиц, следствие полигамии, которая чрезвычайно сильно распространена среди млекопитающих. У некоторых видов их она постоянна, как, например, у лошадей, горилл, павианов, у других же, например у льва, дикого кабана, она — явление временное. Полигамия обычно встречается у большинства обезьян, например, у павианов и ревунов, затем почти у всех животных и особенно у азиатских диких кабанов, индийских слонов, многих пород тюленей и у обыкновенных мышей. У всех же плотоядных, кроме льва, имеющего иногда по две, три и до пяти самок зараз, наблюдается обыкновенно моногамия (Darwin. Origin of man, с. 193).

Вместе с полигамией начинается подчиненность самки самцу. Самки некоторых мозоленогих (ламы, гуанако) отличаются большой преданностью своему самцу. Если она видит его раненым, то спешит к нему на помощь, не обращая никакого внимания на выстрелы охотников. Наоборот, если подобная печальная участь постигает одну из самок, то самец преспокойно убегает с прочими самками, совершенно не заботясь о раненой.

Brehm рассказывает об одной полигамической семье горилл, состоявшей из нескольких самок под предводительством одного самца. Самки были, по-видимому, очень привязаны к своему очень ревнивому самцу, потому что всячески старались возбудить к себе его внимание, то ласкаясь к нему, то гладя его по ногам, что доставляет, как известно, обезьянам величайшее удовольствие.

II. Любовь у человека

У женщины мы наблюдаем в общем то же самое, что мы видели в зачаточной форме в царстве животных.

Уже при изучении чувствительности у обоих полов мы убедились, что она во всех своих видах у женщины слабее развита, чем у мужчины. То же самое мы можем, в частности, сказать про половую чувствительность, благодаря чему женщине свойственно и менее интенсивное половое влечение. Подобный взгляд Sergi подтверждается, между прочим, чрезвычайно удачным выражением Tennyson'a, что «страсть мужчины относится к страсти женщины, как солнечный свет к лунному сиянию».

Одно католическое духовное лицо передавало Александру Dumas-сыну, что из ста молодых женщин восемьдесят признавались ему на исповеди, спустя месяц после выхода замуж, что они очень разочарованы браком.

Многие женщины, очень рано вступившие на путь проституции, признавались потом, что они пали не из-за склонности к разврату, а исключительно от нечего делать или из желания понравиться мужчине, которого они предпочитали другим.

Встречаются замужние женщины, оставшиеся тем не менее девственными.

Одна дама, переписывавшаяся с очень многими молодыми девушками, рассказывала Simmel'ю,[1] что все те из них, которые имели в своей жизни какой-нибудь несчастный любовный роман, второй раз его уже не повторяли. Отсюда видно, что любовное влечение не есть для женщины настолько непреодолимое чувство, которого она не могла бы побороть в себе.

По этому поводу Paul de Kock пишет: «Любовь женщины пропорционально увеличивается с жертвой, которую она приносит своему любовнику: чем более она ему уступает, тем сильнее она к нему привязывается. Что касается мужчины, то его, напротив, страсть утомляет, а частое удовлетворение ее даже надоедает ему; одним словом: неудовлетворенное желание возбуждает его, удовлетворенное охлаждает, а полное пресыщение даже разрушает те узы, которые налагает любовь».

Факт этот находится, по-видимому, в явном противоречии, с одной стороны, с тем, что у женщины первичные и вторичные половые органы (матка, влагалище, яичники, грудные железы) и многочисленнее и сложнее, чем у мужчины, а с другой — с той распространенной азбучной истиной, будто в жизни женщины любовь играет более главную роль, чем в жизни мужчины. «Любовь, — пишет г-жа de Staël, — для мужчины — один только эпизод, а для женщины — все». Действительно, каждому известно, что важнейший жизненный вопрос всякой молодой девушки всегда сводится к жениху и выходу замуж. Эти два противоречия примиряются, если мы вспомним, что у женщины потребность в сохранении потомства, в материнстве преобладает над ее индивидуальным желанием. Именно эта потребность и влечет женщину к мужчине. Любовный инстинкт ее всецело подчинен материнству. Мы уже раньше сказали, что женские половые органы более сложны и многочисленны, чем мужские, но они служат не только для половых отправлений, но и целям материнства, именно для питания и выращивания новорожденного.

Так, например, грудные железы являются органами, возбуждающими половую страсть только у цивилизованного человека, а у дикаря они никогда такого назначения не имеют. Высказанная только что

мысль находит свое оправдание уже в том, что те половые органы, которые мы вообще считаем вторичными по самому происхождению своему, суть собственно настоящие органы материнства. Сюда относится кроме грудных желез, задняя подушка у готтентоток, функция которой чисто материнская, хотя она нам кажется вторичным половым органом, так как дикари всегда предпочитают тех женщин, у которых орган этот более развит.

Грудные железы имеют, стало быть, в глазах дикарей так мало значения как орган эротический и, наоборот, так исключительно ограничены своей ролью в деле материнства. При этом не следует упускать из виду продолжительность периода кормления грудью младенцев, которая длится: у русских и персов до 2 лет у австралийцев, тодов, Китайцев и японцев 2–3 у гренландцев, монголов, кабилов 3–4, у самоедов 5–6, у новокаледонцев 4–5, у эскимосов 5–6, у жителей Каролинских островов 9-10, у племен, населяющих землю короля Вильгельма 14–15.

Beccari (Путешествие его, 1880 г.) видел младенцев, которые вынимали изо рта трубку для того, чтобы пососать материнскую грудь.

Итак, нельзя признать эротическое значение за органом, который в течение столь долгого времени служит для вскармливания потомства, совершенно при этом деформируясь.

Но это еще не все. Подобно грудным железам и губы, служащие для выражения самых нежных оттенков нашей любви, были вначале также вторичным органом материнства, позднее изменившимся в эротический.

Поцелуй по своему происхождению не атавистичен и не врожден у ребенка, потому что он научается ему только со временем, он. — повторение сосательного акта, как думает Darwin.

Почти у всех диких народов, даже у полуцивилизованных, как японцы, поцелуй как символ любви совершенно неизвестен. То же следует сказать про новозеландцев, сома-ли, эскимосов и др. Lewin сообщает, что у племен, живущих на высотах Читаганг, не существует выражения «поцелуйте меня», а вместо этого они говорят «понюхайте меня».

Очень может быть, что поцелуй постепенно развился из существовавшего в глубокой древности обычая кормить своих детей таким же образом, как это делают птицы. Многие матери в Европе таким образом и теперь еще кормят своих детей. Кроме того, известно, что так обыкновенно поступают женщины из племени фегениев, желая дать напиться своим грудным младенцам.

У этого народа нет никаких сосудов для жидкостей и питья. Взрослые утоляют свою жажду прямо из рек при помощи небольших камышовых трубочек, через которые втягивают в рот воду. Мать поит ребенка, набирая воды, сперва себе в рот и затем понемногу вливая ее прямо в рот дитяти (Revue scientifique, декабрь 1892).

Очень возможно, что из этого приема, который впервые наблюдался у «птиц, а затем перешел к нашим прародителям, и выработался первый поцелуй, бывший вначале, несомненно, больше материнским, чем любовным.

В этом, по-нашему, заключается новое доказательство того, что в природе материнский инстинкт всегда торжествует над половым.

В подтверждение высказанного нами мы можем сослаться также на Гомера и Гесиода, в поэмах которых одно и то же выражение для обозначения губ, женской груди и поцелуя употребляется при описании материнской, но никак не эротической любви.

У греков, в более позднее время, для понятия «поцеловать» встречаются термины, обозначающие выражение любви (страсти) при помощи губ (рта).

У Гомера понятие о страстном отцовском поцелуе заключает просьбу и мольбу. Но Гектор в сцене прощания с Андромахой не целует ее, а только ласкает рукой. Точно так же о поцелуе нигде не упоминается при описании сцен между Венерой и Марсом, Одиссеем и Калипсо, Одиссеем и Цирцеей, Парисом и Еленой («Илиада», п. III), ни, наконец, при воспевании любовной истории Геры и Зевса в XIV песне Илиады.

Во всей «Илиаде» нет ни одного эпитета при описании губ и груди Елены, Андромахи, Бризеиды, Калипсо или Цирцеи. Упоминается только раз («Илиада», VI, 483) напитанная благоуханиями грудь Андромахи, которая берет из рук Гектора своего сына.

Если Гомер ничего не говорит о губах, груди и поцелуях Елены и Бризеиды в «Илиаде» и Пенелопы и Калипсо в «Одиссее», то это потому, что в то время эти органы не имели никакого отношения к эротической любви, а поцелуй был выражением только родительского чувства. Равным образом в Древнем Египте из пяти иероглифических слов для начертания понятия о ласке четыре (Sexer, Hepet, Hyhe, Cheron) представляют собою изображения двух рук и только одно (Hyhe), да и то сомнительно, — рта и зубов.

В санскритском языке слово kusyâmi, обозначающее «целовать и ласкать», служит корнем для немецкого слова kuss, относительно целомудренного смысла которого мы уже раньше говорили.

В древних индийских поэмах («Mahabharatha» — «Ramayana») никогда не упоминается об эротическом поцелуе, а только о материнском, между тем как в индусских поэмах новейшего происхождения находят описание целых двенадцати видов поцелуев.

Это указывает на то, что в древности в Индии и в Греции поцелуя как выражения эротической ласки не знали, как не знают его еще и теперь дикие племена или дети.

Что касается атавизма в любовной мимике, то о нем мы должны заметить следующее: некоторые дикари, как мы уже говорили, приветствуют друг друга при встречах словами: «Понюхайте меня», а читальтонги здороваются, прикладывая нос к щекам друг друга и сильно втягивая в себя воздух (Lewin): «поцеловать», odorari, означает у них понюхать, т е. поцеловать носом. (Andrée. Antropologische Paralellen.)

Новозеландцы покрывают друг друга при встречах покрывалами, затем трут себя взаимно носами, издавая при этом нечто вроде хрюканья и сильно втягивая в себя воздух (Cook — Путешествия его).

Туземцы на острове Санта-Мария при встречах обнюхивают друг друга; поцеловать у них значит стать носом друг к другу, т е. потереться взаимно носами.

Папуасы, тасманийцы и жители Фуги, здороваясь, всегда держат около носа или над головой какой-нибудь приятно пахнущий предмет.

На острове Сокотра при приветствиях целуют друг друга в плечо.

На островах Дружбы при встрече с другом берут его руку и сильно трут себя ею по носу и по рту.

На Королевских островах приветствие заключается в том, что здоровающиеся плотно прикладываются друг к другу носами и затем энергично трут их один о другой.

У бирман приветствие называется nomtschi, что, собственно, означает «вдыхание запаха» (nom — запах, tschi — вдыхание). Китайцы дружески здороваются, касаясь носами друг друга, как в Японии, или же проводя ими по щекам один у другого вроде того, как при встрече наши дамы делают вид, будто они целуются.

Если мы примем во внимание фразу дикарей: «Понюхайте меня» с жестом их, не имеющим, собственно, никакого смысла (ибо в щеках нет ничего такого, что могло бы давать ощущение обонятельному органу), то легко поймем, что поцелуй является остатком, рудиментом того обычного обнюхивания, которому подвергают друг друга при всякой встрече ослы и собаки и которое у них связано с таким сильным возбуждением того или другого чувства.

Из всех наблюдений следует, что у первобытной женщины вторичные половые органы никакого эротического значения не имели; целям любви — если так можно назвать ее тогдашнее грубое чувство — служили, как и у животных, одни лишь первичные половые органы.

В первобытные, дикие времена человек не имел времени любить; он должен был постоянно бороться за свое существование, и любовь его была чисто животная, заключаясь, как и у животных, в удовлетворении одних грубых половых инстинктов. На языке дикарей ореама нет выражений, соответствующих понятиям «милая», «дорогая», «любить», а у древних ценились, как известно, одни только физические качества женщин («Дафнис и Хлоя», «Песнь Песней»).

Цивилизация породила стыд, заставивший прикрывать наготу тела, а забота о чистоте его уничтожила всякий запах его, который в первобытные времена и привлекал мужчину к женщине. Вследствие этого части женского организма, назначенные для целей материнства, которые привлекали зрение и осязание мужчины (губы и грудные железы), должны были превратиться в эротические органы. Женщина начала целыми столетиями позже мужчины сперва татуироваться, а потом и наряжаться; кокетство же ее дополнило остальное. Наконец, на чувство любви мужчины, на его страсть начала влиять исключительно

красота женщины, сделавшаяся, таким образом, одним из двигателей человеческого совершенствования.

Когда, наконец, женщина восторжествовала над самкой, любовь ее начинает отодвигать на задний план ее материнский инстинкт, но последний продолжает все-таки сказываться в ней здесь и там, ставя ее чувство выше простого удовлетворения половых потребностей.

В общем женщина, как мы это выше заметили относительно птиц и перепончатокрылых насекомых, всегда более мать, нежели жена. Мы видели у многих насекомых и некоторых млекопитающих, что самка способна жертвовать собою скорее для детенышей, чем для своего самца.

В подтверждение высказанного нами взгляда мы можем сослаться на народную мудрость, которая в поговорках часто осмеивает непостоянство вдовьего горя, и на многих писателей, которые вполне согласны с нею в этом отношении. Dolor di vedova, dolor di cubito — гласит одна известная поговорка. Algarotti (Ricard. L'amour des femmes, 1877) говорит, что вдова, как бы сражена и убита горем она ни была, не плачет без задней мысли: она сильно рисуется своим несчастьем с целью вызвать чужое сострадание. Ricard замечает при этом, что самая неутешная вдова, если только она молода, всегда находит какого-нибудь утешителя. На это же намекает Данте в своем знаменитом стихе, который мы привели выше: Si comprende etc… Боккаччо описывает в одном из своих рассказов в «Декамероне» близкую к отчаянию вдову на могиле своего мужа, которая кончает тем, что принимает ухаживания нечаянно подвернувшегося поклонника и для того, чтобы ему понравиться, доходит даже до того, что заменяет труп одного повешенного преступника трупом своего многооплаканного мужа. Шекспир рисует в «Ричарде III» вдову, выходящую очень скоро замуж за

убийцу своего мужа, убийцу, которого она незадолго перед этим ненавидела и проклинала. В «Бессмертном» A. Daudet есть одна сцена, в которой неутешная вдова отдается новому любовнику на могиле своего мужа. La Fontaine был, стало быть, совершенно прав, говоря: «La perte d'un époux ne va point sans soupirs On fait beaucoup de bruit, — et puis — on se console»[2].

Но зато ни писатели, ни поговорки народные никогда не осмеивали истинности и правдивости материнского горя; жена редко оплакивает своего мужа спустя два или три года после его смерти, но зато как часто мать льет слезы о своем дитяти в течение десяти и даже двадцати лет!

Тацит писал про германскую женщину: «Так как у нее только одно тело и одна душа, то она имеет поэтому только одного мужа. Ее мысли, ее желания никогда не расходятся с мыслями и желаниями того, с кем она связана; она любит, так сказать, не своего мужа, но супружество, в котором она с ним состоит» (Тацит. Germania, c. 19).

В «Princesse de Bagdad» Dumas рисует жену, готовую уже убежать со своим любовником из-под супружеского крова, но ее удерживает ребенок, который хочет поцеловать ее. Нетерпеливый любовник грубо отталкивает его, — и этого достаточно, чтобы в этой женщине моментально проснулось материнское чувство. Она прогоняет того, с кем хотела убежать, со словами: «Ah! j'étais folle!.....j'étais folle!.. Mais quand cet homme a porte la main sur mon enfant!..»[3]

Это господство материнского чувства над другими в женщине находится в связи с той важной ролью, какую оно играет в ее жизни. Мы уже раньше убедились, что оно обусловливает даже развитие новых органов. Теперь мы видим, что оно же ослабляет и даже совсем

заглушает в женщине чисто чувственную сторону любви ее, которая так свойственна мужчине.

Этим объясняется, почему женщина не всегда ищет в своем муже красоту или молодость и отчего ее выходом замуж часто руководит не любовь, а какой-нибудь другой мотив, как, например, страсть к богатству или тщеславие, как об этом свидетельствуют Stendhal, Champfort и г-жа de Rieux.

Брак у цивилизованных народов есть вид эмансипации женщины, которая, выходя замуж, становится более свободной; брак — это, так сказать, общественный диплом ее. Понятно поэтому, что цивилизованная женщина стремится к замужеству, даже не испытывая никакой любви, и что у тех народов, где брак является синонимом рабства, он есть вместе с тем, как, например, в Австралии, источник горя и слез.

Постараемся теперь указать на другую причину антагонизма, которая существует между половым и материнским инстинктами.

Самки некоторых птиц (вьюрков) гонят от себя самцов после вывода птенцов (Brehm). Самки жвачных животных и суки не допускают к себе самцов, если они беременны (Joveau de Courmelle. Les facultés mentales des animaux, Париж, 1891).

По словам Icard'a у многих женщин также пропадает всякое половое влечение, как только они забеременеют (Icard. La femme pendant la période menstruelle, Париж, 1883).

С другой стороны, половое возбуждение в период течки делает злыми тех самок, которые обыкновенно отличаются кротостью. Так, например, коровы и кошки отгоняют от себя в это время своих телят и котят, которых незадолго до этого ласкали.

Однако, несмотря на этот антагонизм между половым и материнским инстинктами, Последний в основании своем все-таки чувственного характера.

Многие женщины во время кормления очень часто испытывают эротическое раздражение. Есть даже такие, которые соглашаются забеременеть только для того, чтобы испытывать удовольствие кормления грудью ребенка (Icard. Op. cit., с. 17).

Подобное раздражение является, вероятно, следствием той связи, которая существует между ветвями симпатического нерва матки и грудных желез.

Это явление, по-видимому, несколько аналогично с тем фактом, который сообщил Cabanis, а именно: «Если у петуха раздражать чем-нибудь заднепроходное отверстие, то, чтобы успокоить свое возбуждение, он садится на яйца и кончает тем, что приучается высиживать их так же хорошо, как и курица».

Можно сказать с положительностью, что любовь женщины к мужчине не имеет в своем основании чувственной подкладки, а является известного рода связью, которая устанавливается обыкновенно между низшим и высшим существами.

Доказательство этому мы находим в письмах Элоизы, этой женщины, привязанность которой к своему возлюбленному доходила до экзальтации, граничившей с безумием. «Видит Бог, — пишет она в одном письме к нему, — что я не искала в тебе ничего, кроме тебя самого, — такова была моя мечта. Я не думала ни о каких выгодах и заботилась — ты это хорошо знаешь — об удовлетворении не своих желаний и страстей, а только твоих. Быть может, имя супруги более священно, но я находила более нежным имя любовницы я даже (не сердись на меня!) наложницы и содержанки. Чем более я унижала себя для тебя, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем. Если бы император предложил мне сделаться его супругой, я бы в тысячу раз скорее предпочла стать твоей любовницей, чем его женой и императрицей!» (Heloisae epistola I).

В другом письме она следующим образом объясняет свой отказ выйти за него замуж: «Это было бы недостойно и гадко, если бы одна женщина завладела тем, кто создан для всех. Какой ум, занятый философскими размышлениями или научными изысканиями, мог бы продолжать свою работу в суматохе, поднимаемой детьми, при болтовне мамок и среди того беспорядка, который производят в доме слуги и служанки?»

Капитан Stodmann был болен тяжелой болезнью, от которой был спасен благодаря заботливому уходу за ним молодой негритянки из Surinam'a. В награду за это он хотел жениться на ней и сделать ее свободной, но она отказалась выйти за него замуж, говоря: «Господин, я создана для рабства, и брак этот только повредит тебе в глазах твоих товарищей; позволь мне лучше последовать за тобой в качестве рабыни и остаться при тебе столько, сколько я заслужу этого своей любовью и привязанностью к тебе».[4]

Одна таитянка была влюблена в одного французского флотского офицера. Последний однажды заметил ей, что у нее очень красивая рука. Тогда таитянка сказала: «Она тебе нравится? Отрежь ее и возьми с собой во Францию!»

Wood рассказывает, что одна молодая кафская девушка, увидя однажды одного начальника танцующим, до того влюбилась в него, что, потеряв всякий стыд, отправилась к нему в крааль, желая объясниться ему в своей любви. Чтобы отделаться от нее, вождь этот обратился к ее брату, который увел ее силой. Но немного спустя она вернулась к нему в крааль. Ее жестоко наказали и вторично отправили домой. Но через неделю она опять явилась к любимому ею человеку и добивалась любви его с таким упорством,

что брат ее просил его взять ее себе в жены (Mantegazza).

Adamoli знал в Магадоре одну женщину, муж которой убил ее любовника. Даже во время самых мучительных пыток она повторяла, что любовь ее прекратится только с ее жизнью. В другой раз ему пришлось видеть в Затме одну знатную девушку, которая влюбилась в одного генуэзца и оставила родительский дом для того, чтобы убежать с ним. Ее схватили и жестоко наказали. Во время наказания она не переставала повторять, что ни на минуту не перестанет любить христианина (Mantegazza).

Г-жа Carlyle, жена знаменитого английского писателя, отличалась вообще независимым характером. Когда она была молодой девушкой, любимым занятием ее было лазить на стены и драться со своими школьными подругами. Выйдя замуж, она стала самой кроткой и послушной слугой своего странного и жестокого мужа. В это время последний был еще беден и неизвестен, и она отдала ему все свое небольшое состояние для того, чтобы он мог свободно работать, не заботясь о средствах к существованию. Из угождения к нему она поселилась в Kraighnputtock, в местности, климат которой был очень вреден для ее здоровья. В награду за такую жертву муж запретил ей заходить к нему в рабочий кабинет и все время заставлял ее починять ему платье и обувь и готовить его любимые блюда. В продолжение целых месяцев он не говорил с ней ни слова, словно не замечая ее вовсе, даже тогда, когда она была больна. Нередко он нарочно в ее присутствии начинал ухаживать за дамами высшего английского общества. Но никогда эта женщина не выразила своих страданий ни малейшей жалобой. «Прошу вас, — писала она ему, — быть немного добрее и снисходительнее к вашей Gooda (ее насмешливое прозвище), потому что она вас очень любит и всегда готова исполнить ваше малейшее желание; если вы ей прикажете, она полезет и на луну… Но если господин мой не найдет для меня ни одного слова, ни одного взгляда, то что же мне остается, кроме отчаяния? Я замкнусь в себе самой и сделаюсь несносной для всех…»

Сам Carlyle, мучимый угрызениями совести, говорил после смерти ее, что в годы лишений и неизвестности она была для него оплотом против его несчастий: «У нее всегда находилось сказать мне что-нибудь приятное, сообщить какую-нибудь милую историйку на свой оригинальный манер… Никогда я не слышал от нее

ни единого слова, которое могло бы опечалить меня или быть мне неприятным даже в самые тяжелые, мрачные дни. Она скрывала от меня все грустное и неприятное, заботливо пряча это для себя одной».[5]

В «Путешествии по Австрии» Cadet-Gassicourt'a, которое цитирует Stendhal, мы читаем следующее: «На свете нет более угодливого и кроткого существа, чем австрийская женщина... Одна венка была любовницей некоего французского офицера. Любовник не только обманывал ее, но даже знакомил с подробностями своих грязных похождений; она же, несмотря на это, ухаживала за ним с полной самоотверженностью и удвоила свои заботы, когда он заболел, но он тем не менее не переменил после всего этого своего обращения с ней и любил ее не больше прежнего».

«Любовь, — пишет Georges Sand, — это добровольное рабство, к которому стремится натура женщины». Жалуясь на то, что ее покинул Alfred de Musset, она говорит: «Я должна страдать для кого-то, должна исчерпать тот излишек энергии и чувства, который есть во мне. Мне необходимо, наконец, питать эту материнскую заботу, с которой я привыкла бодрствовать у изголовья страдающего и изнеможенного существа».[6]

Приведенные строки бросают истинный свет на ту психологическую задачу, изучением которой мы заняты в настоящую минуту. Именно женщина, поставленная у всех народов в условия рабства, вполне зависящая всюду от произвола мужчины, существо слабое и не способное к энергичному сопротивлению, несомненно всегда и везде старалась действовать на лучшие чувства мужчины, чтобы добиться его расположения кротостью и привязанностью. Поэтому она всегда стремилась окружить его возможно большею

нежностью, довольствуясь сама лишь ничтожными частицами ее.

К подобному приему прибегают и животные. Так, например, собака увивается у ног своего господина, прыгая от радости и желая обратить на себя его внимание, чтобы добиться от него какой-нибудь ласки.

Элоиза, во время одного из страстных порывов, освещающих душу человека до ее глубины, подтверждает своими словами только что сказанное. «Чем больше, — пишет она, — я себя унижала, тем более я надеялась овладеть твоим сердцем». Подобная нравственная черта — унижать себя с целью скорее добиться взаимности любимого человека — до того укрепилась с течением времени в женском характере, что в настоящее время женщина поступает нередко так же бессознательно даже в тех случаях, когда она нисколько не надеется на благополучное осуществление своих желаний, что и есть истинная причина ее самоотверженности.

Итак, любовь женщины выражается главным образом в сильной привязанности к любимому человеку и в преданности ему, т е. именно теми чертами, которые развиваются сплошь да рядом в слабых или более низкой организации существах, живущих совместно с более сильными и высшими. Так, например, домашняя собака, бывшая некогда, по мнению Grani Allen'a, независимым, диким и хищным животным, в настоящее время, после тысячелетней дрессировки, отличается, живя рядом с человеком, такой верностью и привязанностью к нему, что уже давно вошла в поговорку. Собака часто так предана своему господину, что если последний умирает, то она нередко также издыхает, оправдывая таким образом известную поговорку, цитируемую Darwin'ом: «Собака — единственное существо на земле, которое любит нас больше, чем самое себя».

Характер любви женщины, хотя и косвенным образом, указывает нам на то, что она стоит ниже мужчины, так как подобные чувства могли развиться в ней только благодаря ничтожной переменчивости ее личного «я». Сильные желания и страсти были бы несовместимы с этой наклонностью ее сливать свою личность с личностью другого, с этой почти полной утратой ею всякой воли, которая обыкновенно наблюдается только в некоторых болезненных состояниях, равно как и при гипнотизме.

Поэтому женщина действительно испытывает сексуальное наслаждение от любви только в том случае, если она всецело отдается любимому мужчине. При этом она счастлива все-таки не столько вследствие физического удовлетворения своего чувства, сколько благодаря сознанию, что она осчастливливает своею любовью того, кого любит. Таким образом, становится понятным отвращение, питаемое к браку столькими молодыми женщинами, выходящими замуж по коммерческому расчету за людей, которых они мало или даже совершенно не знают.

Это бросает свет на целую массу вторичных явлений и объясняет нам, почему, например, женщина избирает себе предмет любви, руководствуясь не столько удовлетворением своего полового чувства, сколько сознанием того счастья, какое она доставляет другому. Мужчина при выборе себе жены обращает внимание на многое: на красоту лица, сложение, свежесть, цвет лица и тонкость кожи, приятность голоса, грациозность манер, между тем как женщина придает значение только характеру мужчины; что же касается его наружности, то к ней она относится безразлично, лишь бы она не была слишком отталкивающей. Таким образом, красота имеет различное значение у обоих полов.